

Анатолий Агарков

Рассказы Виктора Агаркова

*Не стоит
гоняться
за деньгами —*

*нужно идти им
навстречу.*

(А. Онассис)

Анатолий Агарков

Рассказы Виктора Агаркова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508487

ISBN 9785449066589

Аннотация

Мой сын фантазией не обижен. А еще больше одарен магией слова. В лицее редактировал газету «Ботанический сад». Мы как-то начинали с ним эпопею (по замыслам) войны Добра и Зла с рабочим названием «Крутые разборки на книжных полках», но не смогли закончить. Увы... Эти вещи со смыслом, началом и концом. Читайте, восторгайтесь – мне приятно.

Содержание

Крутые игры для маленьких мальчиков
Конец ознакомительного фрагмента.

5
24

Рассказы Виктора Агаркова

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-6658-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не стоит гоняться за деньгами —

нужно идти им навстречу.

(А. Онассис)

Крутые игры для маленьких мальчиков

День не обещал быть таким пакостным, как оказался – да же наоборот, я наконец-то решил, что буду дружить с Ленкой Григорьевой, и это результат сложных душевных изысканий. Когда все устремились перекусить, я заманил её в кабинет химии и поцеловал – так, в порядке эксперимента. Я и не люблю её совсем, хотя из всего класса болтушек и ябед, она – единственное исключение. Сам процесс, может быть, и не так интересен – ну, чмокнул девчонку в губы, когда она к моему уху склонилась – можно сказать, украл поцелуй, а вот причина... об этом поподробнее.

Мама сказала:

– Тебе уже пора на девочек оглядываться.

– А можно, я буду на женщин озираться... на пляже.

– Смотри шею не сверни, если доведётся в женскую баню попасть.

Мамахен у меня с юмором. Да, нет, правильнее сказать с сарказмом – злой он у неё какой-то. Вот я и решил угодить – задружу с Ленкой, она успокоится: нормально, мол, её чадо развивается, всё в своё время.

Ленка мне обиды на химичку секретным образом изливала, наклонилась к уху, а я её – бац! – и прямо в губы. У ме-

ня – вкус помады, у Ленки – шок. Она уставилась на меня, и глазками – хлоп, хлоп. Нет, они у неё не маленькие, а очень даже большие. Глазки – это потому, что такая она растерянная в ту минуту была и прекрасная, без жеманства и контроля за лицом.

Словом, ресницами шлёп-шлёп, и смотрит на меня изумлённо. Мне даже обидно стало – что я не парень? Не могу, что ль девчонку поцеловать? Иные, вон, силой своего добиваются. Визжат девчонки по тёмным углам, но учителям, родителям не жалуются, а меж собою даже хвастаются – мол, с Жекой целовалась, а когда он с руками полез, как дам ему по морде.

Если мне девчонки не интересны, это не значит, что у меня какие-то отклонения присутствуют – нет, конечно. Просто не встретила та, единственная. Вот я и чмокнул Григорьеву – лучшую из тех, что есть.

Думал, она спросит:

– Зачем ты это сделал?

А я:

– Ты мне нравишься, давай дружить.

И покажу её маме. Мама успокоится.

Что-то медленно Григорьева в себя приходит. Может, не проняло с первого раза? Я скатал губы в трубочку и потянулся к её рту.

Вот тут Ленка очнулась. Она двинула мне спортивной сумкой, целясь в голову. Она туда бы и прилетела – я по-

нимаю, за удовольствия надо платить, но дело в том, что я чемпион города по боксу, на Россию скоро поеду. Представляете, какой я ловкий, сильный и знаменитый! Такого разве можно сумкой по голове?

Да, ладно, шучу.

Нет, на счёт бокса всё верно. Просто в такие моменты я защищаюсь машинально, не задумываясь. Сидели мы на подоконнике, уклониться от удара у меня не было пространства, и я сработал на опережение – локтём чуть подкинул её руку, прикрывая чисто механически кулаком лицо.

Сумка пролетела над моей головой и – бац! – в стекло. Вернее, – дзинь! – и нет стекла в окне второго этажа кабинета №22.

– Ой! – Ленка бежать.

А я вниз поглядел: мало ли чего – там тротуар, там люди ходят. И прямо взгляд в взгляд, как нос к носу, встречаюсь с глазами Тамочкина – это директор наш. Он мне так манерно поклонился – здравствуйте, Виктор Анатольевич. Я кивнул – здорово, мол, Сан Саныч. Но ошибся. Оказывается, и не кланялся он совсем, не до реверансов ему было – осколки стекла с шевелюры стряхивал.

Блин, хорошо рассыпалось так мелко, а то бы сверху да большим. Представляете? А я очень даже живо – гроб, в нём Тамочкин, а в конце процессии меня волокут на заклание.

– Ты подожди на месте преступления, я сейчас поднимусь, – говорит мне Сан Саныч.

Нет, не из гроба – с тротуара.

Сижу, жду. А что делать?

Вваливается Тамочкин, с ним толпа зевак-лицеистов.

– Ну, рассказывай. Сидишь ты, никого не трогаешь, а стекло вдруг – бац! Или нет, уничтожал ты насекомых, и большая жирная муха села на окно, ты бац! – и нет стекла. Или есть другая версия?

– Есть. Я поцеловал любимую девушку. А она – бац! – и нет стекла.

– О, да ты у нас герой-любовник, с одного поцелуя девушек заводишь. И зовут эту виновницу...?

Я развернул ладони, как мусульманин перед намазом:

– Александр Александрович, мы же мужчины...

– Ага, один из нас точно, за другого мама будет отвечать.

Гони дневник.

Я знал одну слабость Тамочкина и надавил на неё.

– В американских школах ученики и преподаватели не впутывают в свои разборки родителей. Потому они, американцы, впереди планеты всей.

Наш директор млел перед всем штатовским – переписывался с кем-то, по электронке общался, в гости приглашал, сам мечтал побывать. По весне в порядке культурного обмена приезжала к нам в лицей группа американских школьников. Я неплохо владею английским, но общаться с ними никакого удовольствия. Все разговоры: у парней про спорт (на уровне зрителей) и баксы, у девчонок про секс и шоу вся-

кие, на которых они мечтают преуспеть. А сами толстые, рыжие, конопатые и – прав М. Н. Задорнов – тупые-тупые. Тамочкин стелился перед ними и был наверху блаженства.

– Гм, – сказал он.

Или «гм» – это не слово, это звук?

– В чём-то ты прав. Нашкодил – отвечай. Полез к девочке с губами – по ним и получил. Высадил стекло – надо вставить. Или заплатить.

– А сколько?

– Я тебе не бухгалтерия. Впрочем, ждать тебя тоже не собираюсь. Сейчас заставлю завхоза принять меры, а ты завтра загляни за счётом – оплатишь и стекло, и услуги.

Прозвенел звонок. Все стали рассаживаться, а директор сказал, столкнувшись в дверях с химичкой:

– Чикагские будни.

Инцидент был исчерпан, а день испорчен.

И это ещё не всё. Несчастья преследовали меня, не отставая ни на шаг. На последнем уроке – то была физика, и вёл её Тамочкин – я схватил трояк. Дело в том, что в нашем лицее двоек не ставят. Не знаешь темы, подготовься и сдай в другой раз. Не сдашь – выгонят. В нормальной школе пару-тройку пятёрок получил, месяц, а то и всю четверть можно в учебники не заглядывать – не спросят. Здесь же по каждой теме опрашивают всех. А как это сделать за сорок минут? Правильно соображаете – контрольные, тестирование, коллоквиумы каждый урок. Это называется фундаменталь-

ным приобретением знаний.

За – дол – ба – ли!

Зато, наших выпускников без экзаменов принимали в ЮрГУ – базовый ВУЗ.

Когда открыл на компьютере тест, прочитал, чувствую – точно знаю половину ответов. Маловато. Можно было не рисковать, подготовиться и в другой раз сдать тему. Но рискнул. Зол был на Тамочкина, и наш молчаливый перестрел продолжался на уроке.

Встать, уйти – порадовать Сан Саныча? Нет, буду бороться, вдруг повезёт.

Не повезло. Компьютер не обманешь – пятьдесят два бала – еле-еле на троечку. И не исправишь. Вот беда!

В растерянности посмотрел на Ленку Григорьеву – непруха, мол, что тут поделаешь. А та фыркнула и отвернулась с презрительной миной. Тамочкин ликует за своим столом – он уже знает ответ моего компьютера, а теперь и Ленку, должно быть, вычислил.

Ужас, мама, роди меня обратно!

Домой идём втроём. О ком вам рассказать – о себе, друзьях? Начну с себя, любимого.

Живём мы с мамой вдвоём в четырнадцатизэтажке на проспекте Ленина. До лица рукой подать, до дворца спорта ЮрГУ три остановки на тролебасе. Теперь там совершенную своё мастерство, а начинал ещё в нашей старенькой

и простенькой школе на Смолино. Это Ленинский район, кто не знает. Про бокс я говорю, кто не понял.

Школа была хулиганская, тем и славилась на весь район. Да что там – по всему городу гремели её воспитанники. Бьют там жестоко, каждый день и, причём, без всякой причины. Просто воспитывают. А между делом деньги на обед отбирают, перчатки новые, шарфы, шапочки и так, всякую мелочь.

Сначала терпел – маме не пожалуешься. Потом записался на секцию бокса и тренировался до полного изнеможения. Начал давать сдачи и стал своим среди хулиганов. Учился, вроде бы неплохо, не пил, не курил – и, как вы думаете, что бы из меня получилось? Даже не берусь гадать. Может быть, урка, а может быть ничего – в смысле, нормальный человек.

Но тут произошли два события, которые круто изменили мою жизнь, да и мамину тоже.

Я неожиданно для самого себя выиграл школьную математическую олимпиаду, а потом и городскую – для простых образовательных заведений, и мне предложили перейти в 31-й физико-математический лицей. О, эта учебная канитель гремела на весь город и далеко за пределами области – своими выпускниками, конечно.

Мама сказала: «Из кожи вон вылезу, но ты будешь там учиться». С кожей у неё всё в порядке: она по-прежнему в отличной форме и очень даже красивая, но я в лицее, и живём мы теперь в центральном районе – квартиру разменяли.

Второе событие маму не обрадовало – я стал чемпионом города по боксу. Вообще-то, не мечтал о большой спортивной карьере, научился себя защищать – ну, и ладно. В последнее время я вообще искусством айкидо увлёкся – не было секций рукопашного боя, а то бы записался и бокс бросил. Но были книги, была культура, которую я изучал.

Главный принцип айкидо – используй силу врага – подходил мне, как нельзя лучше. Ведь по природе своей неделовой я, несуетливый – философ, мирозерцатель и теоретик скорее, чем практик. Наблюдаю, размышляю, принимаю и не испытываю ни малейшего желания переделывать. При этом, когда впадаю в протрацию, на лице моём блаженная улыбка – мама говорит, идиотская, но это она зря.

Я стал немногословен и нетороплив, спокоен и улыбчив не потому, что ношу титул чемпиона города, как утверждает моя мама, не потому что я учусь в самом престижном лицее города, как думают мои прежние друзья, а потому, что я теперь человек новой культуры. О, об этом я мог бы говорить много и долго – кто бы слушал. Но мир, увы, суетлив.

Идиотская (это мамино) моя улыбка сыграла скверную шутку с соперником в финальном бою на приз Хохрякова (был такой знаменитый боксёр). Вообще-то, это открытый чемпионат города.

До финала мало было интересного. Разве что, заметка в газете – «... ранее неизвестный спортсмен Виктор Агарков...» и т. д.

Финал. Мой соперник в ранге действующего чемпиона, старше меня, но легче на полтора кило. Лупазим друг друга раунд, второй. Что, думаю, за напасть такая – никакого желания побеждать. Соперника стало жалко – ну, хочешь, я тебе так уступлю. Скажу – ты сильнее, чемпион.

Эта японская философия на лице моём отразилась.

Тренер мне потом говорил:

– Ты, что это улыбаться-то начал – чуть загубник не потерял.

– А не знаю, – говорю.

Соперник мой тоже ничего не понял, но разозлился – а, лыбишься! – ну, получай, получай.

Удар – мимо, удар – мимо, удар – он на полу.

Ну, а что размахался-то – чай не мух гоняем.

А он сел на попу и всё руками сучит, будто комара с носа гонит – нокаут.

Жалко мне его, за себя стыдно, а все поздравляют.

Только мама дома сказала:

– Однажды из тебя выбьют мозги, и будешь ты по слогам читать, на палочках считать.

Кто знает, может, она и права.

Тренер мой, хоть и сделал чемпионом, но не любил меня до зубовного скрежета:

– Не спортсмен ты, не чемпион. Знаешь, кто такой чемпион? Он лидер во всём, он всегда прав, он женщине в трамвае место не уступит, и любую из них переспорит. Это объясни-

мо. Бывает, нет уже сил, всё – ложись и помирай, но ты дерёшься и побеждаешь исключительно на одном самолюбии. У тебя этого нет, поэтому ни на что особо не рассчитывай.

Когда я сошёл с ринга чемпионом, он повернулся ко мне спиной:

– Случай. На Россию не надейся.

Поэтому, переехав в новый район, я нашёл другой зал и нового тренера.

Этот сразу заявил:

– Готовимся к России.

Но это тема другого рассказа, вернёмся к злополучному дню.

Шагали мы втроём из школы (для простоты: лицей, лицей – надоедает). Мои новые друзья – Димка Быков и Серёжа Жуков трепались, как всегда, а я молчал и улыбался. Друзьями мы стали не общностью интересов, а просто живём рядом, ходим вместе в лицей, там общаемся. Дома у каждого своё.

Бычок по секрету открыл, что мечтает стать частным детективом. Конечно, логика мышления у него есть, не отнимешь. Мозгами пораскинуть, преступника вычислить – это хорошо для какого-нибудь аналитика убойного отдела. А частному детективу, как утверждает классика жанра, надо ещё уметь бегать, прыгать, драться и стрелять. С этим у Бычка никак.

Потом ему щенка подарили – немецкую овчарку.

– Помощника выращу, – заявил Димон. – Следы брать, преступников обезвреживать.

– Кому-то надо, – согласился я, намекая на его физические возможности.

Бычок возил овчарёнка в собачий питомник, где его на-
таскивали служебным премудростям настоящие инструкторы.

Жучок был евреем по наружности и по крови. У него там, в семье что-то не заладилось, и в какой-то момент урождённый Сергей Фрицлер стал Серёнькой Жуковым. Учился он хорошо, как и положено потомку Моисея. Был худощав, сутул и так бледен лицом, что преподаватели нередко волновались:

– Жуков, с тобой всё в порядке? А то иди домой – уверен (а) то, что мы сейчас будем проходить, ты уже знаешь.

Раньше, до меня, они совсем никак не пересекались – появился я, и создалось наше трио. Они тянулись ко мне и ревновали друг к другу. Бычок сказал – конечно, по секрету – они даже подраться хотели, чтобы выяснить, кто будет со мной дружить. В первые недели знакомства не вылазили из нашей квартиры, провожали меня во дворец спорта и терпеливо ждали конца тренировки.

Потом Бычок увлёкся своим щенком, а когда он подрос, заявил:

– Я теперь никого не боюсь.

И гулял ночами в парке Гагарина, осматривая тёмные ку-

сты и закоулки, бросаясь на любой подозрительный шорох.

В последнее время Жучок тоже нашёл себе какое-то занятие – стал где-то пропадать. На уроках был рассеянный. Случалось, мог запеть вдруг или заговорить с кем-то не присутствующим. Учителя тихонечко отправляли его домой с провожатым, и качали в спину головой.

– Мужики, мне нужна работа, – объявил я. – Думайте.

Расспрашивать, уточнять они не стали – были в курсе моих последних злоключений. Посыпались предложения и их критика.

– Можно машины мыть на стоянке и у светофора.

– Это для мелюзги.

– Тогда машины разгружать, вагоны на базе какой-нибудь.

– Напарник нужен.

Оба съёжились под моим вопрошающим взглядом – ни физических возможностей, ни духовных желаний пойти в грузчики они не имели.

– Можно розничной торговлей заняться, – предложил Жучок. – Я знаю одну шарашку, там можно получить товар утром в кредит по оптовой цене, а вечером рассчитаться и сдать нереализованное. Очень даже удобно. Я с этого начинал свой бизнес.

– А ты у нас бизнесмен? – удивился Бычок.

– А то.

– Вот не знал, не замечал. Впрочем, вру – в буфете ты всегда за всех платишь, и на аттракционах тоже. Я тебя как-то

спрашивал: «Откуда деньги достаешь?» А ты: «Из кармана». Я и подумал – дома дают. Оказывается, ты у нас самостоятельный.

– Подожди, – вмешался я. – И много эта суета даёт?

– Ну, какой день, а то и «пятихатку» можно выморщить.

– Нормально. А где торговать?

– В подземных переходах, в парке, на игровых площадках.

Товар-то детский – «Марсы», «Сникерсы», жвачка, зажигалки, сигареты.

– И это разрешено?

– Гоняют. Менты, шпана.

– На шпану плевать, с ментами не поспоришь.

– Чего с ними спорить, собрал товар и в другое место – город большой.

– Слушай, а мне-то можно в эту шарашку засуетится?

– Слово скажу, и можно будет.

– Ну, так скажи.

– Скажу. Ты как насчёт завтра?

– Свободен весь день.

– Тогда я позвоню и скажу, где встретимся.

Дома перерыл весь гардероб, подбирая прикид для работы.

Утром, лишь только Жучок позвонил, натянул затасканные джинсы «Милтонс», майку с голой красоткой – её мне тётя Женя подарила (майку, конечно), а мама не выкину-

ла лишь потому, что подарок. Долго она лежала нетронутая и вот пригодилась. Ещё куртку рокерскую, шляпу ковбойскую и тёмные очки.

Увидев меня в таком наряде, Жучок удивлённо хмыкнул. Под мышкой он держал картонную коробку, на плече болталась туго набитая спортивная сумка.

– Пошли.

Мы спустились в подземный переход у Никитинского рынка.

– Вообще, товар взял под свою ответственность – тебе там незачем светиться. Торгуй, я на стрёме постою. Если вдруг менты – свистну.

– Поторгую, – я высыпал содержимое ящика на газетку, а потом аккуратно разложил всё на нём же.

Налетай, торопись, покупай, не скупись.

– Ты на сумку не садись – там тоже товар, – предупредил Жучок, достал из неё жвачку и ушёл за угол.

Я присел на корточки и оглядел свою витрину – какие-то флаконы, булавки, брошки, «сникерсы», «марсы», несколько номеров «Спид-инфо», ещё какая-то порнушка. Полистал и убедился, что на свете достаточно красивых женщин – на Ленке Григорьевой свет клином не сошёлся.

Прохожие сучили ногами, но никто не останавливался – прицениться, посмотреть.

Становилось скучно и хотелось крикнуть: «Люди, где же моя „пятихатка“?»

У противоположной стены сидела таджичка-нищенка с младенцем на руках, девочка лет пяти ходила вокруг неё, протягивая грязную ручонку прохожим. Когда обозначился разрыв в людском потоке, я поманил её пальцем. Она робко приблизилась, уставилась на меня прекрасными персидскими глазами. Чудо как хороша!

Я вручил ей батончик «сникерса». Девочка грязной лапкой цапнула его, и бегом к маме. Мой подарок бесследно исчез в многочисленных складках цветастого платья, а малышка обернулась ко мне, застенчиво и благодарно улыбаясь.

Что мне оставалось делать? Моё измученное сердце требовало любви и ласки, хотя бы такого беззащитного существа, как эта маленькая беженка. Я снова подманил её пальцем, но пустился на хитрость. Развернул батончик, отломил кусочек и сунул ей в рот. Девочка стремглав кинулась к матери, но вот беда – сладкий «марс» моментально растаял у неё во рту. Моя персиянка остановилась и обернулась ко мне – её прекрасные глаза были полны слёз.

Я позвал её жестом и, не выпуская батончик из рук, предложил откусить.

Мои опыты по приручению дикой персиянки прервал Жучок. Он достал из своей сумки жвачку, сунул в карман и усмехнулся:

– Навар тратишь?

– Нет навара.

– Так, Витёк, долги не покроешь.

– Боюсь, ты прав.

– Ну, подождём ещё немного – часа не работали.

Он ушёл и тут же вернулся, пятясь спиной. По испугу на его лице, я понял, что те трое парней, преследовавших его по пятам – нет, наверное, по носкам: ведь он же спиной пятился – нехорошие люди.

Один нахально водрузил ступню на картонную мою витрину:

– Так, дёрнул отсюда, а товарчик мы конфискуем.

Я приподнял очки на лоб:

– Ты шутник что ли?

– Нет, охрана общественного порядка.

– Не тянешь ты на охранника – оружия нет, – я держался хорошо, роль беззаботного балбеса мне пока удавалась.

– Как нет, а это? – финка из кармана перебралась в его ладонь.

– А вот это ты зря, – сказал я, поднимаясь. – У тебя осталось только три минуты, чтобы добежать до канадской границы.

– Сейчас, – сказал ещё один из троицы. – Только штаны подтяну.

Наврал, конечно. Штаны он подтягивать не стал, а подпрыгнул и здорово так заехал ногой Жучку в подбородок – каратист, должно быть.

Худосочный Серёга сначала взмыл в воздух вопреки законам тяготения, а потом грохнулся сутулой спиной на мрамор

перехода, и ещё несколько раз голова его подлетала и гулко опадала.

Я думаю, ему крепко досталось, а эти ребята так не думали – они стали пинать неподвижное тело моего приятеля, а «охранник» с ножичком кинулся на меня.

Я толкнул ему под ноги картонный ящик, нырнул под сверкающее жало «пики» и выскочил на оперативный простор. Мой противник сразу построжал – понял, что имеет дело не с профаном. Нож его уже не рвался безоглядно в мою сторону, а мелькал перед его же лицом, будто мух отгонял. Достать его стало труднее, а скакать «па-де-де» уже не было времени – несчастного Жучка эти звери могли до смерти забить.

Я рискнул, получил царапину под ухом, но врезал «пикадору» под дых. Он побежал спиной вперёд, довольно точно повторяя все петли и зигзаги убегающего от него случайного прохожего.

Мне почему-то показалось, что у этой троицы давние счёты с Серёгой Жуковым. Не могут случайные налётчики избивать незнакомого, несопротивляющегося парня с такой жестокостью. Мой коммерческий наставник лежал, не закрываясь, и только хрюкал от каждого удара и марал белый мрамор алой кровью.

Я хорошо одному врезал в затылок – от души, но больше ему досталось от гранитной стены. Он так приложился к ней разгорячённым лбом, таким смачным звуком отметил

эту историческую встречу, что умудрился упасть на спину, упокоив ноги на этой же стене – ни дать, ни взять, уставший турист на привале.

Полюбоваться на дело рук своих не дал мне каратист – он завизжал, как кот кастрированный, и пошёл на цыпочках вокруг меня. Ручонками сучит, ножки подгибает, глазками сверлит.

Ой, ой, ой. Прямо бабай-шайтан. Где моя прекрасная персиянка – как бы девочку не напугал.

Я плюнул ему в харю и попал. Он удивился – разве так дерутся? Дерутся. И ещё вот так. Я поднял оброненную финку, подкинул, поймал за лезвие и замахнулся для броска.

О, как он бежал! Нет, ребята, вам я скажу так – каратэ это не айкидо: психи там все. Он так рванул, что в широкий и свободный проход не смог вписаться – ударился о стенку и, наконец, скрылся с глаз моих.

Я поднял Жучка, усадил у стены – он дышал и даже был в сознании. Досталось ему, конечно, но евреи народ дву-жильный, их так запросто со света не сживешь. Он не сто-нал и не жаловался, только дышал глубоко и часто, с надры-вом. Покосился на натюрморт у стены – его неподвижный противник вверх ногами.

– Хочешь попинать?

Жучок покачал головой:

– Пошли отсюда, сейчас менты набегут.

– Пропал товар, – я критически осмотрел место побои-

ща – раздавленные флаконы, батончики, порванные журналы. Поискал глазами персиянку, но их с мамой следы простыли.

– Чёрт с ним. Рассчитаемся. Сумка где?

– Цела.

– Бери её, пошли. Помоги мне подняться.

Тамочкин нашёл способ содрать с меня шкуру за разбитое Ленкой стекло – он заставил неделю работать дворником в лицее. Вернее, помощником имеющегося, штатного.

Осень, листва задолбала – сыплет и сыплет, хоть не подметай. У меня из-за этой каторги проблемы с тренировками – на одну опоздал, другую вообще пропустил. Тренер лютует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.